

«Вечерние сказки»

(О декоративно-прикладном искусстве Ю.П.Спегальского)
 Вступительная заметка, публикация М.А.Кузьменко

В июне 2003 г. Псковский музей-заповедник отметил 95-летие со дня рождения Ольги Константиновны Аршакуни (1908-1991), художника-архитектора, жены и друга Ю.П. Спегальского, инициатора создания музея-квартиры его имени. Она много сделала для пропаганды творческого наследия Юрия Павловича. Благодаря её стараниям были изданы почти все неопубликованные научные работы Спегальского; псковичи знают её книги о его жизни и деятельности: «Гражданская архитектура Пскова», 1975, «Народное зодчество Пскова», 1987, «Предчувствие», 1987.

Особым разделом в творческом наследии О.К.Аршакуни являются её воспоминания. Ж.М.Аракчеевой опубликованы в газете «Псковская правда» и сборнике «Псков. Памяти Спегальского» отрывки из её мемуаров: «Повесть о 30-х годах» - о детстве; «Во тьме» - трагические страницы блокадного Ленинграда; «Повесть о 40-х годах» - Псков первых послевоенных лет. Тут нельзя не вспомнить серию её рисунков и автолитографий «Псков освобожденный», которые несколько раз экспонировались на выставках, начиная с 1945 г.

В юбилейный для Ольги Константиновны год мы предлагаем читателю её воспоминания «Вечерние сказки». Написанные сразу после смерти Юрия Павловича, они не только воспроизводят историю создания его декоративных вещей, которые псковичи и гости города могут видеть в музее Спегальского, но и рассказывают о незабываемых для автора днях их совместной жизни, полных творческого вдохновения, трудов, счастья.

17 января 1969 года в час ночи ушел из жизни Юрий Павлович Спегальский. Он умер внезапно, полный широких замыслов, планов, надежд и стремлений. Живая сила его души осталась в трудах, наполненных любовью к родине, к древним памятникам Пскова, которым он посвятил свою жизнь. Особенно много он работал над исследованием псковского средневекового жилища, с каждым годом углубляя свои исследования в этой мало изученной области истории архитектуры. В самых последних своих трудах уделял особое внимание исследованию внутреннего содержания древних зданий. Он оставил ряд графических реконструкций интерьеров и реконструкций цветных изразцовых печей, украшавших собой интерьеры богатых палат XVII века в Пскове.

В своих рисунках и акварелях, в росписи по ткани, по дереву, керамике, резьбе по дереву, в ковке по металлу Юрий Павлович – художник воспел древний город Псков, его прекрасные самобытные черты.

Вот об этой стороне его творческой деятельности, о его оригинальных трудах по прикладному искусству я и хочу рассказать.

В убранстве интерьера своего жилища Юрий Павлович воссоздавал в натуре то милое и необходимое его сердцу, которое роднило повседневную домашнюю обстановку с псковской стариной.

... «Работы по горло, - писал он другу своего детства, - а я еще осложняю положение всякими декоративными штуками по нашему жилищу, но я чувствую огромную потребность хоть в какой-то мере сделать у нас дома обстановку по сердцу».

Свои поэтические художественные произведения он создавал вдали от Пскова, но почти все они были посвящены родному городу, его древнерусской красоте...

Долгие зимние вечера далеко за полночь были насыщены до предела поглощающей творческой работой, отразившей в себе громадную сосредоточенность художника и глубину его проникновения в прошлое древ-

ней Руси. «Вечерние сказки» - так назвала я эти чудесные вечера жизни, полные очарования, чистоты, света и счастья, проведенные в дружбе и любви с прекрасным Человеком – Юрием Павловичем Спегальским.

1955 год. Наша квартира в Ленинграде напоминает собой производственный цех керамической мастерской: всюду лежат изготовленные формы для отливки изразцов, тут же – готовая уже продукция только что отформированных печных изразцов, а посреди комнаты громоздится ванна, в ней, в растворе довольно хитрого состава, вымачиваются (для крепости) изразцы. Другие сушатся возле радиаторов, третьи – грудой лежат на столе, и Юрий Павлович приступил уже к последней их обработке перед росписью. Художник задумал создать у себя дома цветную изразцовую печь в натуральную величину по мотивам русских печных изразцов XVII века, которые он находил в Пскове.

Еще в детстве он любил отыскивать в подвале старого дома XVII века («Дом Печенко»), в котором прошли его детство и юность, обломки древних печных изразцов, смывать многовековую плотно слипшуюся с ними грязь, из под которой вдруг начинал проступать выпуклый рисунок орнамента, расписанного яркими, изумительными по красоте эмалями. Изумрудные, синие, сиреневые, красные, желтые и коричневые поливы, как драгоценный сплав переливались между собой, образуя живописные подтеки и сверкая изнутри искорками солнечного света. Радостный, возбужденный садился мальчишка за стол, ставил перед собой свои драгоценные находки – приступал к делу. Тщательно обмерив каждый обломок, он начинал с наслаждением копировать рисунок и цвет акварельными красками, стараясь передать характер материала и не упустить ни одной даже самой мельчайшей детали в оттенках цвета.

Это ощущение передавать самому увиденную красоту на бумагу прекрасно, и захватывало его целиком. Даже в снах своих он продолжал искать, находить и отмывать

чудесные старинные обломки изразцов. Такие сны были самыми любимыми его снами, они повторялись и приходили к нему позднее, когда он стал уже взрослым, и в возрасте пожилком. Сны-сказки! Прекрасные изображения, увиденные им наяву, в этих снах оживали. «Сегодня снился сон, опять очень яркий, а самое главное такой, о каком я мечтал уже много лет, - писал Юрий Павлович в письме ко мне (15.1.1967). – Приснилось, будто я забрался с какими-то мальчишками в заброшенное строение XVII века и в развороченной стене нашел набросанные внутрь стены, в кладку, как мусор для заполнения, изразцы XVII века и даже посуду. Там была и расписная бутылка. Я с жадностью вынимал эти драгоценности, а в голове была только одна мысль – как бы не упустить чего, не забыть какого-либо рисунка, не оставить что-либо, не забыть подмеченной связи между разными кусками.

Утром я стал думать и пришел к заключению, что те дни лета 1925 года, когда я выкапывал обломки печи внизу «Дома Печенко», и некоторые дни лета 1926 года, когда я охотился за такими обломками, клеил их и рисовал, – были счастливейшими днями моей жизни, и это, конечно, не просто потому что мне было интересно это занятие, как какая-то игра. Очевидно, это занятие оказалось именно тем, что глубоко соответствовало всей моей натуре. Очевидно, что, если бы я имел возможность продолжать идти по этому пути – то есть и дальше продолжать исследовать псковские древние здания и реставрировать их, это полностью поглотило бы меня, вполне соответствовало всем моим данным, и могло бы дать мне удовлетворение, какого, может быть, никому никакая работа не давала еще.

Все же перебирать старые рисунки и чертежи – это не то, что вынимать черепки на месте, искать их, исследовать здания в натуре, ощупывая древние стены, находя их остатки и детали утерянных частей. В рисунках уже не найдешь ничего неожиданного, такого, что повело бы мысль в совсем новую сторону, не найдешь чего-то совершенно нового, о чем не мог и подозревать. А в натуре – всегда можно, и именно это прида-

ет особенный интерес и вкус работе настоящего исследователя. Исследование памятников можно уподобить чтению книги, но оно коренным образом все же отличается, и отличается именно тем, что, читая книгу, ты при желании всегда можешь заглянуть вперед – на несколько страниц, а если захочешь – в самый конец. И даже если и не заглядываешь вперед, все же ты, прочтя какую то часть книги, твердо знаешь все, что в этой прочитанной части заключалось. А находя и сопоставляя следы прошлого, которые попадают тебе в остатках бывшего здания, ты не знаешь, к чему все это приведет в конце концов, и даже то, что казалось бы уже установлено, «прочитано», вдруг, вследствие какой-то новой находки, может предстать перед тобой в совершенно ином свете.

А сколько нового может дать «чтение» уже как будто бы совсем «прочитанных» зданий – таких, как «дом Яковлева», «дом Печенко», «Солодежня» и другие. В этой «книге» страница может как бы расщепиться на несколько страниц, на такое их число, что они составят свою особую книгу, и ты сможешь читать эту книгу заново».

Сказочные сны претворялись в действительность. Своими руками художник воссоздавал увиденную им красоту, воплощая ее в материале.

Печь строилась, но было одно затруднение. Как быть с поливой? Он не имел возможности сделать настоящий обжиг своих изразцов. Кто-то пообещал дать рецепт холодной поливы. Он с радостью ухватился за эту мысль, но, когда пришло время, человек этот свое обещание не выполнил, и тогда он решил расписать эти изразцы от руки, а после этого покрыть их лаком и так хотя бы закрепить их роспись. Вот почему красавица печь в нашей квартире стала играть лишь декоративную роль.

Поздний вечер. Юрий Павлович все еще сидит за рабочим столом. Перед ним свежерасписанные изразцы. На одном из них, на бирюзовом фоне – изображения единорогов и львов, на других – радужно-пестрые птицы, клюющие ягоды. Птицы кажутся жи-

выми, перепархивающими с одного диковинного растения на другое. Трудно оторвать взор от третьего изразца, который во всей своей красе стоит на столе, прислоненный к бронзовому старинному подсвечнику. На нем изображение фантастического существа с птичьим туловищем, лицом женщины и с царственной короной на голове. Это сказочная птица Сири́н! Птица радости и веселья. Она великолепна в своем светлом оперении. Крылья ее чуть тронуты голубиной и подчеркнуты на перьях глубокой синей краской. Во всей композиции рисунков изразцов печи не найти антипода этой птицы – птицы горя – печального черного Алконоста. Не нашла здесь место и птица вешей судьбы – Гамаюн. И это не случайно. Творчество Юрия Павловича носит характер жизнеутверждающий, оно проникнуто человеческой радостью бытия, весельем и юмором. Черпая из любимейших народных сказочных мифов мотивы для своих сюжетов, он тонко опозиционирует все события в его произведениях.

На ярко-красочном панно печи есть еще одно диво! Это мифологическая, трогательная птица, клювом раздирающая себе грудь для того, чтобы собственной кровью и плотью накормить своих птенцов. Можно найти здесь и великолепную птицу – паву в царственном ореоле нарядных разноцветных перьев, и кроткого нежного голубя с тонкой веткой в клюве, и уютного важно напывшегося индюка и много, много других интересных изображений. В сплетении с растительным орнаментом диковинных цветов они образуют яркий декоративный узор, сверкающий бликами на выпуклостях рельефного рисунка и ступенчатый во впадинах прозрачными тенями.

Для будущей печи давно уже подготовлен фон. Юрий Павлович собственноручно произвел отштукатурку и побелку стен так, как это делалось древними мастерами в жилых палатах XVII века в Пскове. «Штукатурка, вернее обмазка стен, выполнялась под лопатку или «под ложку», по терминологии XVII века, и накладывалась тонким слоем, который благодаря этому очень прочно держался. Очень аккуратно заглаженная лопаткой обмазка мягко ложилась, смягчая фор-

мы сложенной из тесаной плиты кладки. Замечательным свойством этой обмазки, покрытой побелкой, сделанной свежим известковым молоком теплого кремоватого тона, была способность интенсивно отражать свет. Это создавало очень приятный эффект. Цветовые оттенки на светлых, как будто бы излучавших свет стенах в зависимости от освещения, в течение дня изменяли окраску и тени. На фоне гладких, мягко светящихся побелкой стен то кремоватых, то чуть розоватых с легкими голубыми тенями особенно ярко и выразительно выступала живопись икон в богатых резных киотах и орнамента изразцовых печей, расписанных сочными многокрасочными поливами» (Ю.П. Спегальский. «Псковские каменные жилые здания XVII века»). Вот на таком фоне и наша изумрудная печь при солнечном освещении будет гореть и переливаться. Пылать на стенах розовым отраженным светом!

Пока же расписанные уже изразцы – это только проба! Груды их еще ждут своей обработки, и в первую очередь грунтовки. Художник думает о том, что надо бы как-то приспособиться и делать их быстрее. В первый день он провел за грунтовкой изразцов по новому, изобретенному им способу с 7 часов вечера до 12 ночи. Загрунтовал их десятка 3-4. А расписывать ведь гораздо дольше, так что он очень хорошо понимал, что не скоро может их всех сделать. А другой день вечером он тоже немного поработал над росписью изразцов, но немного, так как пока еще приходилось экспериментировать, а к «массовому производству» нельзя было приступить, пока эксперимент не закончен.

Только через месяц вечером, наконец, стал виден конец. В первом часу ночи он окончил грунтовку. Осталась еще 1/3 часть изразцов, то есть штук 70. Он решил, что завтра, если хватит олифы, закончит все. В воскресенье же с утра займется росписью и посмотрит, как пойдет – быстро или нет?

Он очень спешил. Нужно было пользоваться свободой действия, пока жена была в отъезде. Хотелось к ее возвращению закончить хотя бы всю работу с подготовкой изразцов, сложить их и больше к этому не возвращаться. А тут еще приходилось думать о приготовлении для себя еды и было некогда

готовить, а уж тем более ходить в столовую. И все это время увлеченный работой, он постоянно и длительно голодал.

Только через неделю в воскресенье он смог, наконец, приступить к росписи. Утром встал, готовить для себя, как всегда, не хотелось. Очень не терпелось начать расписывать печь! Однако, прежде чем приступить к росписи, долго еще возился с моделью ножки печи, нельзя было бросать не закончив, потом убрал мусор.

Расписывал печь весь день до изнеможения!

К вечеру почувствовал страшную слабость и приступ нестерпимого голода. Надо было все же что-то поесть.

Он вздумал варить кашу и сильно посолил воду, потом решил из этой воды сделать кисель, всыпал туда какао и сахару и получил сладко-соленый кисель довольно странного вкуса. Съел его с удовольствием. Ничего!

Отдохнув с полчаса, он снова взялся за роспись печи.

Так создавалась печь, которая хранится сейчас в фондах Псковского музея в разобранном виде.*

На построение печи ушло больше года, потому что работать приходилось только в выходные дни да в будние дни вечерами и то не всегда, урывками. Работа была проделана громадная. Надо было нарисовать общую композицию печи, и не просто нарисовать, а строго продуманно, дать ее реконструкцию на основании исследования древних обломков изразцов (которых не хватало), прорисовать отдельно каждый скомпонованный им изразец, профили карнизов, тяг и вылепить их все в пластилине, приготовить формы, отлить изразцы, загрунтовать их, построить печь и расписать ее. Печь была поставлена на основательный фундамент и имела, приблизительно, в нижней своей части ширину около 1,5 м, глубину до 1 м и высоту более 2-х метров. Большая трудоемкая работа, затраченная на строительство печи, на ее художественную отделку была необходима. Это была проба. Художник и одновременно ис-

* Фрагмент печи можно видеть в музее-квартире Ю.П.Спегальского, как и неиспользованные изразцы.

следователь должен был прочувствовать реально в материале и цвете печь, ее масштаб по отношению к размерам помещения, схожем в объеме с тем, в каком она стояла в далекие древние времена, украшая собою богатые палаты. В макете печи в натуральную величину предоставлялась возможность представить себе наглядно всю ее архитектуру, ее декор при определенном освещении, особенно при солнечном свете, когда орнаментальный рельеф ее становился осязаемо живым, обогащенный живописной игрой ярких бликов и сочных теней.

Реставрация интерьера жилых палат допетровской Руси с оборудованием и убранством – вот над чем не переставала работать мысль исследователя и художника. Но только в 1967 году ему удалось, наконец, приступить к графическим изображениям своих реконструкций печей XVII века. Первоисточниками реконструкций были его находки изразцов и обломков, которые он собирал в течение 40 лет. На этом неповторимом материале он мог создать 15 реконструкций печей, но успел сделать только 6. (5 реконструкций сделано в цвете, 6-я – осталась в карандаше).

* * *

Постепенно интерьер нашего жилища приобрел древнерусские черты. Все началось с того, что однажды Юрий Павлович разобрал перегородку и из 2-х комнат сделал одну. Она получилась большая, почти квадратная, размеры и соответствующая окраска стен породнили ее с «повалушей» псковских домов XVII века. Нашу «повалушу» также стала украшать изразцовая печь, пышно орнаментированная, с изображением птиц, сказочных цветов, зверей и единорогов. Потом в «повалуше» появились паникадила (люстры деревянные расписные). Обеденный стол украсился нарядной столешницей, а над столом занял свое место оригинальной ковки «хорос»! Руки художника не уставали создавать все новые и новые любимые сердцу мотивы: расписной шкаф, сундук, картонки («коробьи»), завесы большие и малые. Утварь, которой мы пользовались, была подлинно древней (квасники, тарелки, бокалы). Рабочий стол Юрия Павловича всегда украшал большой бронзовый подсвечник работы древнерусских мастеров и

русский ларец (и то и другое XVII века). На этом фоне и сам Юрий Павлович, с его волнистой золотисто-русой бородою, одетый в русскую вышитую рубашку и высокие русские сапоги, выглядел древнепсковским человеком. Созданная им в нашем жилище обстановка выявляла и подчеркивала его необычную яркую живописную внешность. Изображая Псков, Юрий Павлович жил им. Все, что могло бы напоминать ему Псков, должно было быть постоянно перед его глазами. 9-го января 1966 г. он писал одному нашему знакомому: «Я очень хорошо понимаю Ваше отношение к Волге, так как сам только и живу тем, что вспоминаю наш Псков. Воспоминания о прежнем Пскове дают мне опору. И кажется, эта опора тверже всяких других возможных.

Старый Псков, благодаря его сохранившимся обломкам, крохи которых удалось в свое время подобрать мне, – не представляет собой что-то неподвижное и мертвое для меня, так как, исследуя его, я могу по мере вложенных мной в это дело сил, открывать все новые и новые для меня вещи. Это вещи – не только какие-то факты, это – совершенно новые представления и о городе, его виде, его жизни, и о горожанах – их нравах, талантах, умениях и очень многое другое.

Общение с живыми людьми, даже с очень широким кругом живых людей, по моему, не может дать такой богатой пищи для ума и сердца. Ведь там – поколения и поколения, среди которых было не мало людей одаренных и близких по духу. Правда, не просто судить о них и их делах, но если находились какие-то возможности для того, чтобы представить их себе, – это уже очень не только интересно, но и существенно. Мне кажется, что люди в технике как-то сумели решить задачу накопления знаний – хотя и в технике многое часто забывается, а потом открывается вновь. В медицине – кажется тоже. Также и в некоторых областях точных наук. Но и в искусстве – больше забывается, чем приобретается, в архитектуре тоже, в умении жить, безусловно, мы растеряли очень много ценного, приобретаем «ценности» порой весьма сомнительные. А хорошо бы было, если бы всё светлое, что было в прошлом, сохранялось бы хотя бы в памяти, если его нельзя сохранить в жизни».

Продолжение следует

О.К. Аршакуни и Ю.П. Спегальский. Псков. 1946 г.

Фрагмент печи. Музей Ю.П. Спегальского.

Изразец. Птица, клювом раздирающая себе грудь, чтобы накормить птенцов.

Изразец. Птица Сирин.

Ю.П. Спегальский у керамической печи. Ленинград. 60-е гг.